

УДК 82-94 + 94:159.953 + 32.019.51
DOI 10.15826/tetm.2020.1-2.011

Котова Анастасия Викторовна

*Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: anastakot@gmail.com

«Энеида» Вергилия в политике и культуре эпохи принципата Августа

В статье рассматривается вопрос формирования исторической памяти в эпоху принципата Августа. Показано, что впервые в истории Античности литература сознательно и продуманно используется как средство официальной идеологии. Демонстрируется отражение событий исторической эпохи Вергилием, современником и участником которой он был. Делается вывод о связи использования средств высокого искусства в целях политической пропаганды с формированием образов прошлого в историческом сознании общества.

Ключевые слова: историческая память, Вергилий, Энеида, принципат, Август, идеология, пропаганда

Для цитирования: Котова А. В. «Энеида» Вергилия в политике и культуре эпохи принципата Августа // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 97–102.

*Поступила в редакцию: 31.08.2020
Принята к печати: 30.10.2020*

Anastasia V. Kotova

Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine, Saint-Petersburg, Russia

Virgil's "Aeneid" in Politics and Culture of the Augustan Principate

The article deals with the formation of historical memory in the era of the Augustan Principate. It is shown that for the first time in the history of antiquity literature is consciously and thoughtfully used as a means of official ideology. It demonstrates the reflection of the events of the historical era by Virgil, a contemporary and participant of which he was. It is concluded that the use of high art tools for political propaganda is connected with the formation of images of the past in the historical consciousness of society.

Key words: historical memory, Virgil, Aeneid, Principate, Augustus, ideology, propaganda.

For citation: Kotova, A. V. (2020). «Eneida» Vergiliya v politike i kul'ture epokhi printsipata Avgusta [Virgil's "Aeneid" in Politics and Culture of the Augustan Principate]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 97–102.

*Submitted: 31.08.2020
Accepted: 30.10.2020*

Историческая память является неотъемлемой частью культуры общества и находит выражение в различных формах. В современных гуманитарных исследованиях историческая память рассматривается как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта, реального или воображаемого [9, 10]. Сопоставление и анализ способов представления исторического прошлого позволяет выделить две основные модели — эпос и хронику. Эпические произведения, повествующие о деяниях и подвигах героя, рассчитаны на эмоциональное восприятие слушателя или читателя. В хронике, задача которой заключается в описании и регистрации события, передача сообщения носит информативный характер.

Историческая память не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида и общества в настоящем, которая дает ему чувство прошлого и определяет его устремления на будущее. Образы событий, запечатленные коллективной памятью «в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов, выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [Там же, 22]. Одновременно с этим историческая память рассматривается как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях.

Важным средством проведения тех или иных идей в массах является искусство. Порожденное обществом, искусство имеет своей целью в соответствии с общественными интересами способствовать формированию духовного облика человека, воздействуя на его мысли и чувства, изменять ценностные ориентации и стиль жизни.

Влияние искусства на социальную память определяется эмоциональным воздействием художественных образов на внутренний мир человека, при котором историческое содержание и социальный смысл произведения как бы воссоздаются воспринимающим его человеком по ориентирам, задаваемым автором [11, 58].

Анализ духовных явлений с точки зрения их роли в жизни прошлого позволяют охарактеризовать идеи и ценностные установки

минувшего во взаимосвязи с обстоятельствами, их породившими, понять конкретные действия, мотивированные этими культурными ориентирами [9, 5].

Античная цивилизация сохранила до нашего времени уникальные материалы для изучения традиций исторической памяти, оценки ее роли в жизни общества. Среди ценностей античной культуры литературе принадлежит почетное место. Сохранившиеся письменные памятники отражают взгляды, предпочтения и систему ценностей их авторов и являются источниковой базой для изучения исторической культуры Античности.

Литература эпохи Августа, достигшая своего расцвета в этот период, может существенно расширить наши представления о методах политической пропаганды принципата, «охраняющих полезные для субъектов идеологии смыслы и интерпретации исторических событий» [3, 248].

Принципат как особая форма политической власти, пришедший на смену сенатской республике, представлял собой «феномен органичного сочетания двух начал: монархического и республиканского, воплощавшего в себе вековые традиции Рима-полиса», который «обеспечил римскому рабовладельческому обществу безопасность, правопорядок и уверенность в завтрашнем дне» [1, 18].

Экономические и политические изменения в результате «великих завоеваний» вызвали важные изменения в духовной жизни римлян. Упадок нравов в римском обществе традиционно связывается с массовым распространением такого явления, как роскошь [2, 87], с которой римляне познакомились во время войн в Греции и на Востоке. Чужеземные нравы, богатство, роскошь и связанный с ними новый стиль жизни стимулировали рост индивидуализма, разложение традиционных норм поведения и ценностей. Новые тенденции, появившиеся в результате превращения Рима в великую державу, были столь серьезны, что требовали коренных изменений в обществе.

Исследователи истории Рима отмечают небывалый масштаб пропаганды идеологии этого периода, многообразие способов и форм ее проведения в литературной и государственной деятельности. Римская литература эпохи принципата оказалась особенно важной для

Нового времени. Выделение индивидуума из общества, формирование индивидуалистического восприятия, мышления и слова наполняли внутренним содержанием литературу эпохи принципата Августа и делали ее важным инструментом пропаганды.

Историю принципата начали писать одновременно с его зарождением. Известно, что сам Август на протяжении всей жизни занимался активной литературной деятельностью; его воспоминания «О своей жизни», которые содержали описания и историю гражданских войн, а также «событий, приведших Августа к власти, с точки зрения самого Августа», оценки, «которые он хотел закрепить в сознании современников и в памяти последующих поколений» [12, 136], должны были представлять особенный интерес, но воспоминания принцепса до нашего времени не сохранились, о них мы узнаем лишь из текстов иных авторов.

Источниками, которые дошли до нас непосредственно от современников Августа, являются произведения римских авторов, в первую очередь Вергилия и Горация. Именно выдающиеся поэты, по мнению Августа и его окружения, могли представить новый порядок вещей в самом выгодном для режима принципата освещении [4, 10]. Поставив своей задачей возродить добрые старые нравы, восстановить угасшее благочестие, Август выдвинул лозунги *Virtus, pietas, iustitia, clementia* («Доблесть, благочестие, справедливость, милосердие»), под которыми проводился новый курс Римской империи.

«Можно разное думать о мотивах, по которым Гораций, Вергилий, Проперций, даже Овидий сделались глашатаями мыслей Августа и певцами его божественности» [5, 115]. Этот вопрос в науке до сих пор остается дискуссионным. Некоторые исследователи предполагают здесь личные мотивы творчества, другие считают, что поэты искренне верили в способность Августа установить мир и безопасность, возродить пришедшее в упадок государство, а новый строй, «осмысленный и опозитивированный, был продуман и выстрадан ими как современниками его рождения и участниками его создания» [10, 113].

Принятие нового строя и его идеологических принципов побуждало Вергилия создать

единое по мысли произведение, посвященное историческим судьбам римского народа. Выполнения этой задачи требовали Август и Меценат. Величие римской истории было, по концепции Вергилия, неразрывно связано с торжеством Августа, и золотой век осуществился наконец в Италии через его деяния. Даже недавняя история приобретала особый смысл и значительность, так как вела к этой конечной цели. Исторические события поэт считает непосредственным продолжением мифологических, ставит их в один ряд и воспринимает как священную и нормативную историю всего народа [7, 23].

Римляне всегда идеализировали свое прошлое и окружали его ореолом непреложного авторитета. Реставрационный характер политики Августа наталкивает поэта на мысль воспеть подвиги римского народа и его вождей в образах мифологических героев, показать, как в поступках людей, руководимых богами, осуществлялась историческая неизбежность.

Для того чтобы воспеть судьбы Рима и личность Августа, поэт выбрал миф о древнейшей истории Лациума, связанный с именем троянского героя Энея. Необыкновенный успех, которым «Энеида» пользовалась у римлян, обуславливался главным образом удачным выбором сюжета поэмы. Легенда об Энее получила в Риме признание еще в эпопее Невия, относящейся к III в. до н. э. Римляне вели свое происхождение от Энея, и на этом основании утверждалась связь между двумя великими народами, а также обосновывалось право римлян на владычество над Востоком. Во время принципата миф об Энее приобрел актуальность, так как род Юлиев, к которому через Цезаря принадлежал и Август, возводил свою родословную к богине Венере, матери Энея. Обожествление Августа, таким образом, приобретало основу в мифе, и его «сверхъестественную природу готовы были признать многие сограждане» [6, 37].

В судьбах Энея и его спутников Вергилий олицетворил не только зачатки римского народа, но и начало дома Юлиев, достигшего высшей ступени славы и могущества в личности императора Августа. Вместе с тем в своих героях поэт изображает идеалы чисто римского духа, благочестивое отношение к богам и беззаветную храбрость.

На Энея возложена историческая миссия — основание латинского государства, которую герой выполняет через борьбу и преодоление различных препятствий, как внутренних, кроющихся в человеческой натуре, так и внешних, заключающихся в завоевании и подчинении врагов. Осознание этой миссии приходит к Энею по сложному пути подавления личной воли, страстей и стремлений.

Успех Энея объясняется вмешательством божественных сил, этим же объясняются его неудачи. Главное свойство Энея — благочестие (*pietas*), которое проявляется и в отношении своего отца, и в отношении божеств, и в соблюдении религиозных обрядов. Благочестивый Эней является тем идеальным римлянином, который должен был служить примером для подражания, и Вергилий, характеризуя героя, использует постоянный эпитет *pius* (I, 377; V, 783; VI, 783). «Энеида» является лучшим источником для определения официального понимания термина *pietas* эпохи Августа как политического лозунга нового режима. В понятии *pius* объединяются заботливый семьянин, искренний почитатель старых богов и лояльный член общества, послушный велениям божества. Мужество и благочестие (*virtus et pietas*), проповедуемые Августом, — важнейшие моральные качества, которыми должен обладать идеальный гражданин [5, 570].

Традиционный эпический материал поэт располагает по заимствованной у Гомера схеме. Изображая в шести первых книгах странствования Энея, а в шести последних — его битвы за обладание завещанным судьбою царством Италии, поэт стремится соединить отличительные свойства «Илиады» и «Одиссеи» в одно произведение. Источниками для первой части служил Гомер, греческие трагедии и эпика, подробно разработавшие цикл сказаний о Троянской войне. Несравненно труднее было справиться Вергилию со второй частью поэмы, где действие переносится на почву Италии. Здесь весь эпический материал ограничивался исследованиями археологов и небогатыми местными преданиями. Остальное предоставлялось собственному изобретению и литературному таланту Вергилия. Он сумел найти не только значительную часть содержания, но и придать поэме особенный интерес в глазах современников.

Наряду со множеством приемов, характерных для гомеровских поэм, поэт использует пророчества, в которых мифологические легенды переплетаются с историческим прошлым. Эти же пророчества о судьбах, уже совершившихся ко времени автора, составляли литературный прием, принадлежавший Вергилию, но чуждый Гомеру, и дали автору «Энеиды» возможность представить полную историю римского народа и исполнить до некоторой степени данное им Августу обещание — воспеть его военные подвиги и прославить его имя в веках (Georg. III, 46–48).

В первой книге из пророчества Юпитера (Aen. I, 286–288) читатель узнает, что «Цезарь будет рожден троянцем высокого происхождения, который ограничит свою власть Океаном, славу — звездами; Юлий — имя, ниспосланное от великого Юла». В связи с его появлением наступит вожделенный мир, навсегда прекратятся братоубийственные распри, настанут справедливые времена.

В шестой книге поэмы повествуется о том, как Эней спускается в подземное царство для свидания со своим отцом. Преданностью отцу, выдающейся сыновней любовью, верностью и благочестием заслужил Эней это недоступное другим смертным право — свидеться с умершим в загробном мире. Здесь же содержится обширное и важное для концепции поэмы пророчество Анхиза, который показывает Энею его потомков, будущих великих царей, правителей и государственных деятелей Рима, составивших его славу. Здесь же подчеркивается роль Августа Цезаря, который водворит золотой век и покорит весь мир; утверждается неизбежность мирового господства Рима как логический результат всего хода истории (VI, 791–805): «Этот муж, вот он, которого, ты часто слышишь, тебе обещают, Август Цезарь, божественный родом, который снова установит золотой век в Лации на пашнях, некогда управляемых Сатурном, расширит власть за [земли] гарамантов и индов (владения простираются вне небесных светил, вне дорог года и солнца, где держащий небо Атлант на плече вращает свод, усеянный горящими звездами); уже сейчас каспийские царства и меотийский край страшатся прорицаний богов о его приходе, и волнуются, бурля, устья семируканного Нила. Ни Алкид

не обошел столько земель, хотя и сразил медноногую лань, сделал мирными леса Эриманфа и утратил лук Лерну; ни Либер, который, будучи победителем, направляет ярмо поводами из виноградных листьев, гоня тигров с самой вершины Нисы».

Анхиз пророчески предсказывает сыну о будущем Рима. Тогда как другие народы прославятся искусствами и науками, у римлян будет другое искусство — править миром (VI, 851–853), причем власть эта будет безгранична во времени и пространстве.

В восьмой книге поэт дает образное описание щита Энея, который был изготовлен Вулканом по просьбе Венеры. В этом фрагменте Вергилий описывает выдающиеся события римской истории и в особенности подвиги Августа, прославлению которого поэт посвящает пятьдесят стихов (VIII, 676–729), отмечая, что Октавиан в этой войне был вождем всей Италии (VIII, 678–679).

Поэма содержит выразительные портреты отдельных людей, через которые не только высказывается отношение к той или иной проблеме, но и раскрывается богатство человеческой жизни. Вместе с тем большинство спутников и товарищей Энея малообразовательны, это только имена, лишённые человеческого облика. И это не случайно. Складывавшееся в эпоху принципата мировоззрение требовало

выделения лишь одной личности. Возвышение Энея над спутниками должно было быть полным и безграничным, оно соответствовало месту Августа в современном ему обществе [7, 44].

Известно, что Вергилий придавал большое значение своей поэме. Он работал над ней десять лет, вплоть до самой смерти, и считал, что для окончательного завершения ему нужно еще три года. Он завещал друзьям уничтожить незаконченное произведение, но Август, придававший «Энеиде» большое политическое значение, не позволил этого, а, напротив, способствовал ее публикации и широкому распространению.

Идея истории, образы прошлого, составляющие важную часть общественного сознания и групповой идентичности, могут служить политическим целям, формируя специфическую матрицу восприятия происходящего и выполняя функцию социальной ориентации [8, 12].

Воспевая подвиги римского народа и деяния Августа в образах мифологических героев, Вергилий показывает преемственность староримских традиций, раскрывает в прошлом черты настоящего, которое таким образом освящалось и утверждалось незыблемым авторитетом мифологического и легендарного прошлого.

Список литературы

1. Гвоздева И. А., Никишин В. О. Принципат Августа как политическая система: теория и практика // Право и государство: теория и практика. 2018. № 6 (162). С. 18–25.
2. Квашнин В. А. Об одном парадоксе римских законов о роскоши // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4 (58). С. 85–96.
3. Лозунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 227–253.
4. Малешин А. И. Золотой век римской литературы: Эпоха Августа. М. : Юрайт, 2020. (Антология мысли).
5. Машкин Д. А. Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М. ; Л. : АН СССР, 1949.
6. Межеричский Я. Ю. Восстановленная республика императора Августа. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
7. Полонская К. П. Римские поэты эпохи принципата Августа. М. : МГУ, 1963.
8. Репина Л. П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006.
9. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) : препринт WP6/2003/07. М. : ГУ ВШЭ, 2003.
10. Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Изд. 3-е. М. : Ленанд, 2015.
11. Соколов К. Б., Осокин Ю. В. Искусство, социальная память и ее мифологизация // Вестн. культуры и искусств. 2018. № 4 (56). С. 58–65.
12. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л. : Наука, 1990.

References

1. Gvozdeva, I. A., Nikishin, V. O. (2018). Printsipat Avgusta kak politicheskaya sistema: teoriya i praktika [Augustus' Principate as a Political System: Theory and Practice]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 6 (162), 18–25.
2. Kvashnin, V. A. (2017). Ob odnom paradokse rimskikh zakonov o roskoshi [On a Paradox of Roman Luxury Laws]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 4 (58), 85–96.
3. Logunova, L. Yu. (2019). Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly [Historical and Social Memory: Paradoxes and Implications]. *Idei i ideal'y*, 11, 1, 2, 227–253.
4. Malein, A. I. (2020). *Zolotoi vek rimskoi literatury. Epokha Avgusta* [The Golden Age of Roman Literature. The Age of Augustus]. Moskva: Yurait.
5. Mashkin, N. A. (1949). *Printsipat Avgusta: Proiskhozhdenie i sotsial'naya sushchnost'* [The Augustan Principate. The Origin and Social Nature]. Moskva; Leningrad: Akademii nauk izdatelstvo.
6. Mezheritskii, Ya. Yu. (2016). *Vosstanovlennaya respublika imperatora Avgusta* [Restored Republic of the Emperor Augustus]. Moskva: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke.
7. Polonskaya, K. P. (1963). *Rimskie poety epokhi printsipata Avgusta* [Roman Poets of the Augustan Principate]. Moskva: Moskovskii gosudarstvennyi universitet.
8. Repina, L. P. (2006). Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya [Historical culture as a subject of research]. In Repina L. P., *Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni*, 5–18. Moskva: Krug'.
9. Repina, L. P. (2003). *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and the Problems of Historiography. (Historiographical Notes)]. Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki.
10. Rostovtsev, M. I. (2015). *Rozhdenie Rimskoi imperii* [Birth of the Roman Empire]. Moskva: Lenand.
11. Sokolov, K. B., Osokin, Yu. V. (2018). Iskusstvo, sotsial'naya pamyat' i ee mifologizatsiya [Art, Social Memory and Its Mythologization]. *Culture and Arts Herald*, 4 (56), 58–65.
12. Shifman, I. Sh. (1990). *Tsezar' Avgust* [Caesar Augustus]. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторе

Котова Анастасия Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета ветеринарной медицины, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Information about the author

Anastasia V. Kotova, Cand. Philol. (Eng.), Associate Professor, St. Petersburg State University of Veterinary Medicine, Saint Petersburg, Russian Federation